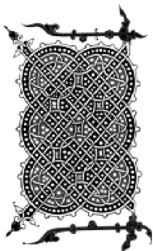

© 2023 К. В. Цеханская
Москва, Россия

ЦЕННОСТИ ПРАВОСЛАВИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОСТИ*

Аннотация. В статье раскрываются и анализируются современные процессы модернистских преобразований в православной церковной среде. Затронуты проблемы антиканоничных подходов к традиционной молитвенной практике. Особое внимание уделено реформистским трактовкам таинств исповеди и причастия, а также неуставным, а потому сомнительным нововведениям в канонически-догматические тексты Типикона. В работе вскрыты и актуализированы основные векторы обновленческого движения внутри Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: традиционные ценности веры, сверхчастое причащение, святость, молитвенное делание, либерализация веры, антропология подвижничества.

Ссылка при цитировании: Цеханская К. В. Ценности православия в контексте модернизационных процессов современности // Традиции и современность. 2023. № 32. С. 66–76

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Цеханская Кира Владимировна (Tsekhan'skaya Kira Vladimirovna) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта kirilla2011@gmail.com
ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 32. С. 66–76

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>

УДК – 253; 82–96; 930.22; ББК – 86.372-4; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-32/66-76>

* Статья печатается в авторской редакции, мнение редакции частично совпадает с позицией автора; темы, поднятые автором, требуют широкого научного обсуждения.

Святитель Иоанн (Максимович, ум. 1966 г.) утверждал, что только к одной русской земле приложено название *святая земля*, по уподоблению тому месту, где просиял Господь наш. Почему? Потому что самое важное для нас, самое драгоценное, самое великое – это *святость*. Это идеал и предел стремления русского человека (Иоанн (Максимович) 2011: 191). Действительно, русские всегда воспринимали и воспринимают *святость* как единственno-ценностное целеполагание человеческого бытия. Как единственное условие никогда не завершающегося Богообщения, которое начинается на земле и продолжается в вечности.

По словам Максима Исповедника (ум. 669 г.), душа, стремящаяся к обожению, к святости, и при жизни, и особенно после смерти тела находится в состоянии беспрерывного, все возрастающего *присновращения* вокруг не имеющего пределов Бога. Именно к этому ненасыщаемому приснодвижению вокруг Творца, по словам святого, и влекутся человеческий ум, сознание, дух (Творения преподобного Максима Исповедника 1993: 161, 173).

Для православных очевидно, что вся эта, скажем так, – программа Богообщения берет свое фундаментальное начало не только в личной, автономной воле человека, но прежде всего – в четких, строгих, незыблемых и одновременно духовно всеобъемлющих границах православной церковности. То есть наипервейшей ценностью Православия является сама Церковь. Поэтому категории святости, обожения не мыслились русскими иначе, как плоды церковной жизни, литургического единения с Богом. Русская Церковь с ее богослужебным кругом, таинствами, канонами, догматами, традициями благочестия, святоотеческим наследием, этикой и эстетикой всегда являлась центром, из которого православные только могли начинать свое восхождение на ничем не ограниченные формы Богообщения. Православная Церковь создала самобытный сoteriологический архетип русских, признающих истинность и спасительность одного лишь Православия, отвергающих любые попытки модернизации доктринальской и канонической сторон веры.

Церковь соединяет в себе и вневременной, надмирный характер, и земные, исторические формы. Как Богоустановленный институт, столп и утверждение Истины, Православная Церковь в России всегда оставалась и остается неизменным источником Истины, хранительницей апостольского благословения. Как человекотворческий организм, Русская Церковь часто подвергалась нестроениям, расколам, ересям, духовным «шатаниям». Но все эти заметы на пути спасения преодолевались соборной душой народа, жертвенно-подвижнической антропологией русских с их особенной вос-

приимчивостью к истинам христианства. Об этой способности, национальной предрасположенности вместить и выразить полноту меры восприятия Истины очень метко сказал Н. Лисовой: «...подлинная церковность русских определяется национальной способностью “вместить”... почему в истории православного мира Бог оказался в конечном счете за Русь, а не за греков? Да в первую очередь... потому, что вместить и выразить могли и можем больше» (Лисовой 2007: 11, 14).

Что же сегодня происходит в духовном пространстве русской православной церковности? Какие испытания претерпевает церковный социум, обладающий во всей полноте и доступной мере всеми сокровищами Православия?

С конца XX в. и вплоть до настоящего времени Русская Церковь, а вместе с ней и вся паства испытывают, можно сказать, «искушение» постмодерном. Церковный модернизм, обновленчество, либерализация строя богослужений в духе протестантской системы – все это не преувеличение, не пустые слова строгих консерваторов. Это новая реальность жизни.

Модернистской корректировке и просто искажениям смыслов подвергается все то, что мы называем *ценностями православия*. Это ценности молитвы, таинств исповеди и причастия, литургии и богослужебного круга. Вместе с этим идет нивелировка целостности и совершенной законченности православных канонов и догматов. Формируется мятежный, а зачастую просто кощунственный взгляд на традиционную, выстраданную в исторические лихолетья, *церковность* православных народов России. Приведем конкретные примеры.

Итак, первое: молитвенное правило. К пересмотру, ревизии молитвенного делания призывает авторитетная часть столичного священства. Во главе этого революционного движения стоит известный священник Алексий Уминский, призывающий не просто сократить обязательные молитвы суточного круга, читаемые верующими келейно, дома. Он открыто призывает упразднить их в своей молитvenной домашней практике. При этом о. Алексий приижает содержательную сторону молитв, как вечерних, утренних, так и причастных. Молитвы, авторами которых были такие святые отцы Вселенского Православия, как Макарий Великий, Василий Великий, Симеон Новый Богослов, Иоанн Златоуст, Петр Студийский, Иоанн Дамаскин, Симеон Метафраст и, конечно, псалмопевец царь Давид.

Но дадим слово самому священнику. Вот цитаты из его контрмолитвенного манифеста: «...молитвенное правило – утренние, вечерние молитвы и молитвы ко причастию – ровно ничего не дают, пока не начинаешь с Богом говорить от себя. С это-

го начинается вера... Когда человек начинает по-настоящему с Богом разговаривать, он начинает Бога понимать, принимать, чувствовать. Чувства у нас под подозрением находятся, мы боимся прелести, хотя никто не объяснил, что это такое».

Следующий в кавычках богословский перл о. Алексия Уминского касается причастных молитв. Вновь вслушаемся в дерзкие, а по сути, кощунственные слова священника: «...эти одиннадцать длинных-предлинных и не очень длинных молитв, они все об одном и том же... там даже разницы нет никакой. По сути одно: ослabi, остави, прости, недостоин, чтобы причащаться, – и, в общем, **все...** Две-три темы из раза в раз повторяю. Зачем? А! Вот еще третья тема – не в суд или осуждение. Все, больше ничего» (Протоиерей Алексий Уминский 2021).

Призыв к ослаблению молитвенного делания мирян сочетается с принижением таинства исповеди и стремлением сделать его необязательным для причащающихся. И это модернистское движение исходит не только от о. Алексия Уминского, который позволяет постоянным прихожанам причащаться без исповеди, заодно разрешая накануне воскресного Богослужения, в субботу, употреблять мясо. Движение против исповеди, которая мешает сверхчастому причащению паствы, возглавляют известные московские священники.

Об этом открыто, подробно говорилось 16 декабря 2014 г. на Круглом столе «Подготовка ко святому Причащению: историческая практика и современные подходы к решению вопроса». Что же конкретно вызывает смущение, а порой настоящее изумление в реформаторских рассуждениях авторитетнейших столичных клириков? Так, о. Петр (Мещеринов), игумен, катехизатор, миссионер, публицист, переводчик проповедует «новый», а по сути, кощунственный взгляд на сакраментальную природу таинств исповеди и причащения. Основная установка отца игумена – частая исповедь, равно как обязательное исполнение молитвенного предпричастного правила, препятствует частому причащению, становясь причиной теплохладности верующих. По мнению о. Петра, в постсоветское время в России сформировалось поколение верующих прихожан, постоянно участвующих в таинствах. Однако установленные в Русской Православной Церкви «общие нормы» подготовки к причастию, такие как трехдневный пост, большое молитвенное правило и обязательная частная исповедь, по мнению отца игумена, препятствуют частому причащению...

Отец Петр Мещеринов полагает, что после 10-15 лет частой предпричастной подготовки верующие устают от правил и от Евхаристии, отношение к которой передается от утомления правилами. Клирик делится своими выводами – после 10 лет

пребывания в Церкви он понял, что усталость, разочарование, уход из Церкви происходят от того, что человека *приучили более важным считать соблюдение правил, долженствований и запретов, нежели нравственную евангельскую жизнь*. Иными словами, священник уверяет, что правила церковной жизни, то есть *каноны*, являются лишним, иорданным явлением церковной жизни и современное пастырство страдает от *клерикализма*, который вместе с превалированием внешней дисциплины приводит к *неверному восприятию Евхаристии и всей церковной жизни...*

И здесь необходимо особо пристально рассмотреть весьма «своеобразное» представление о. Петра о Божественной Евхаристии. Совершенно справедливо называя Евхаристию величайшим даром, отец игумен декларирует отнюдь не Божественные, а естественно-бытовые условия восприятия Святых Тайн. И главным препятствием к этой «естественной» простоте таинства, конечно же, является обязательная частная исповедь. О. Петр твердо и почти дословно опирается на мнение протоиерея А. Шмемана, клирика Американской Православной Церкви, устало отмечавшего в своих дневниках: «...причащаться надо чаще, но готовиться к причастию не надо. Исповедь – билетик на причащение... лично я бы вообще отменил частную исповедь» (Протопресвитер А. Шмеман 2005: 35). Вслед за о. Александром Шмеманом священник предостерегает – нельзя, чтобы подготовка к причастию походила на покупку билетика, который надо заслужить, заработать подвигом.

О. Петр полагает, что Господь говорил о причащении Своего Тела и Крови, как о вкушении и питии, то есть как о вещах *предельно естественных*. Еда и питие человеку никогда не надоедают, – учит батюшка, – они абсолютно естественны для человека и по природе необходимы ему, в этот же ряд Творец поставил и Евхаристию. Безусловно, подобное толкование Святых Даров, а также таинства причащения резко противоречит учению святых отцов Вселенского Православия. Так, Симеон Новый Богослов прямо называл Божественное причащение пречистым, бессмертным, животворящим и даже *страшным* таинством. И это всегда было и есть единое богословское мнение Церкви, это есть *согласие* отцов. То есть вкушение Святых Даров, соединение со Христом в Евхаристии – очевидное *сверхъ-естественное* действие, выходящее за границы естественного человеческого умопостижения. В шестой молитве из последования ко святому причащению святой Симеон от лица причастника восклицает: «...радуясь вкупе и трепеща, огнви причащаюся трава сый, и странно чудо, орошаet неопально, якоже убо купина древле неопально горящe» (Прав-

вославный молитвослов 2000: 163). И где же здесь признаки естественно-бытового хода Божественного насыщения?

Исходя из употребления причастия как естественного для человека поедания пищи, о. Петр учит – для того, чтобы быть готовым к обеду, нужно, прежде всего, проголодаться, ну и соблюсти какой-то совершенно естественный ряд простых действий: помыть руки, надеть рубашку, вести себя за столом согласно этикету; трудно себе представить, чтобы родные покупали у главы семьи билет на обед... Согласимся с о. Петром – подобное, действительно, невозможно представить, потому что это несуразная и грубая аллюзия к церковным таинствам. Кстати, глава семьи, помимо чистых рук, шеи и ушей, призывает прочесть перед обедом или ужином полагающиеся на этот случай молитвы.

Можно было бы понять и принять озабоченность отца игумена в отношении опасности формализации исповедной практики в Русской Церкви. Но рассуждая о неких негативных признаках частной исповеди, о. Петр не говорит, что миряне могут относиться к покаянию как к билетику на причастие, он не предупреждает, что существует реальная опасность схематизации исповеди, превращения ее в досадную «обязаловку». Нет, о. Петр не предупреждает об этом, не опасается, не тревожится за возможную трансформацию таинства в нечто лишнее, неудобное. Он утверждает, что это уже существует в Церкви как объективная данность, и твердо констатирует – в результате нашей подготовки ко причастию, которая, по сути, именно покупка билета, складывается не евангельское представление об Евхаристии. Причастие Христу, – утверждает батюшка, – становится тем, что нужно «заслужить» внешними подвигами, особой подготовкой, поэтому и воспринимается оно, то есть причащение, как выходящая из ряда повседневного существования некая награда, поощрение, результат каких-то наших «спортивных» достижений, как нечто в ряду аскетического и дисциплинарного – но не как сама жизнь, к которой мы призваны. По логике о. Петра, от этого, то есть от предпричастной подготовки, молитвенного правила и частной исповеди, искается взгляд на Церковь.

Завершая анализ выступления о. Петра (Мещеринова) на данном пастырском семинаре, приведем его итоговые слова – решать проблемы катехизации, миссии и взаимодействия Церкви с «внешними» можно успешно лишь тогда, когда у нас в Церкви «все в порядке», когда церковная жизнь соответствует тому, чем она должна быть; к сожалению, этого нет (Круглый стол 2014). Представляется, этого нет лишь для одного отца игумена, так горько сетующего на то, что, по его словам, исповедь

сейчас срослась с благословением на причащение... Так и хочется восклануть – а как же иначе-то?

Новый этап профанации церковной жизни в виде ослабления предпричастной подготовки, необходимости исповеди перед причастием проскальзывает и в рассуждениях других участников семинара, чьи постоянные прихожане причащаются без исповеди и без поста. Безусловно, воцерковленному человеку естественно часто причащаться. Но разве молитва и покаянная практика верующих не являются такой же органичной и полноправной частью евхаристической жизни? Получается, что в стремлении к сверхчастому причащению молитва и исповедь растворяются на некой периферии церковной жизни. Неужели невозможно усилить евхаристическую жизнь прихожан молитвой и покаянием? Возможно, для многих часто причащающихся это тяжело. Но ведь Царство Божие, как известно, нудится.

Несомненно, опытный духовник имеет право своей волей допускать к причастию прихожан, не подготовившихся исповедью к причастию, из числа тех, чье духовное состояние более-менее известно пастырю. Известный московский священник, например, убежден – требование выполнения всех правил от многодетных матерей, которые *тащат на себе всех детей*, – зверство. Понятно, что он употребил подобное слово как бы для метафорического усиления невозможности «мамочек» молиться и каяться. И для таких тружениц священник готов открыть путь к причастию *вообще без всяких правил* (Круглый стол 2014). Более того, протоиерей утверждает, что *если заставлять каждую неделю проходить таинство покаяния... то это вызывает духовные извращения...* Вероятно, еженедельное причащение без исповеди, без молитвословий таких извращений не вызывает?

Весьма информативным и полезным было выступление на данном семинаре протоиерея Николая Балашова, доктора богословия, советника Святейшего Патриарха. Отец Николай в своем докладе сделал акцент на характере прохождения таинства исповеди в Православных поместных Церквях: в Греции, Сербии, Болгарии, Америке, где исповедь в той или иной форме отдалена от причаствия и не является обязательной для верующих. Вероятно, такой же вариант церковности может ожидать и Русскую Православную Церковь, если в ней будет превалировать либерально-обновленческое крыло русского священства.

Теоретически подытоживая выступления и дискуссии священников на данном Пастырском семинаре, краткую историческую справку о практике нераздельного последования таинств исповеди и причаствия в Русской церкви, обнуляющую

реформаторские суждения о. Петра (Мещеринова), о. Алексия Уминского и др., представил сотрудник Центра духовного развития молодежи при Московской Патриархии А. Боженов. Отметим основные положения его доклада. Итак, первоисточник исповеди – монастырский уклад, практика исповедания помыслов духовному отцу. В монастырях формируется прочная традиция тесной связи исповеди и причастия, и эта система последования церковных таинств из монастырей перешла в мир, в народ.

Тайная исповедь, соединенная с покаянием, сложилась в эпоху Вселенских Соборов на христианском Востоке. Отсюда идут истоки монастырского старчества и духовничества. В течение X–XII вв. тайная, частная исповедь завоевывает господствующее положение в Восточной Европе, вытеснив публичную. Греческое и болгарское духовенство принесло эти сложившиеся формы – исповедь плюс причастие – на Русь. Как отмечает А. Боженов, к XII в. на Руси сложилась практика *обязательной исповеди перед причастием*. Обыкновенно исповедь проходила постом. К XVI в. на Руси появляется более мягкое говение, в течение одной седмицы, тогда же сформировалось молитвенное правило перед причащением – большое, похожее на современный вариант. В Синодальный период практика подготовки к причастию оставалась почти без изменений. Святой Феофан Затворник, святой Тихон Задонский, а позднее святой Иоанн Кронштадтский стали призывать к более частому причащению (Круглый стол 2014).

Завершением Круглого стола, его итоговым заключением стало выступление епископа Егорьевского Марка, взвешенное и, можно сказать, мудрое. Так, размышляя о некоторых частных настроениях в Церкви, владыка предупреждает о *крайней необходимости и важности исповеди*, ставя в пример Католическую Церковь, где почти не осталось постов и где люди очень редко приходят на исповедь. Этот пример, по словам владыки, должен призывать нас к осторожности.

На рассмотренном нами Паstryрском семинаре, по сути, впервые открыто и прямо обсуждался вопрос целесообразности соблюдения традиционно-канонических устоев русской церковной жизни. И «билетики», и «призы», и «награды» здесь ни при чем. Это все из арсенала воздействия на неофитов. Вся проблема, так ярко высвеченная на семинаре, состоит, на наш взгляд, не в заботе об облегчении непосильных духовных подвигов мирян, как бы устающих от длинных-предлинных молитв, от напряженной усталости перед исповедью. Дело, полагаем, в самих клириках, а конкретнее – в их «выгорании», в нежелании без конца выслушивать на исповеди наши одни и те же грехи, самокопания и сомнения.

И здесь обнаруживается необыкновенно крепкая связь с весьма почитаемым в неолиберальных церковных кругах богословским наследием о. Александра Шмемана, с его пониманием исповеди, о чем будет еще раз сказано ниже.

Безусловно, вполне можно допустить, что у многих настоятелей есть неспокойная часть клира, которая воспринимает исповедь и предпрачестное молитвенное правило, как некую досадную помеху для частого и сверхчастого причащения. Но по наблюдениям этнографов, изучающих особенности церковной жизни православных, в среде церковного социума – и воцерковленных, и только начинающих свой путь к вере, преобладает традиционно-каноническое отношение к таинствам. И как правило, согласно опросам и личным многолетним наблюдениям, подавляющее число верующих относится к исповеди, как к самому ответственному, волнующему и жизненно необходимому событию, предваряющему таинство причащения.

И даже в наши дни, когда в русских церквях слышатся призывы причащаться без исповеди, в Светлую неделю или в Рождественские дни большинство мирян предпочитает очистить совесть в исповеди, особенно после шумных, суетных и разгоряченных праздничных застолий.

Необходимо помнить о консерватизме нашей Церкви, о самобытной религиозной ментальности нашего народа, с его исключительно благоговейным отношением и к внешним формам Богослужения, и к обрядовости, и к традиции, и ко всему веками устоявшемуся строю церковной жизни с его твердым неприятием любых, даже слабых попыток внутрицерковной модернизации, «улучшения», реформаторства. «Все, что приняла Церковь, – учил преподобный Серафим Саровский, – должно быть любезно сердцу христианина». Отсюда, из любви к духовному наследию Церкви, возникает сопротивление верующих любым попыткам «перекроить» каноническую, догматическую и обрядовую сторону Православия. Безусловно, большинству православных будут ближе и понятнее поучения Псково-Печерского старца Симеона (Желнина, 1869–1960), призывающего людей к покаянию¹ как единственному средству спасения, чем призывы модернистов низвести исповедь до частного, не всегда обязательного действия для причащающихся.

Из-за органичного понимания православными сакральной правоты и обязательности канона, законов и порядка верующий воцерковленный народ никогда не откажется от исповеди перед тем, как пойти ко святой чаше. Большинство православных метафизически боится сверхчастого, через день или три дня, причащения, да еще и без покаяния, опасаясь потерять благоговение, способность видеть

свой внутренний мир, свои искушения и страсти. Об этой опасности предупреждал Глинский старец, схиархимандрит Андроник (Лукаш, 1889–1974): «Те, кто причащаются каждый день, это люди в прелести. Это не нужно. Это от лукавого. Причащаться надо только один раз в месяц. Нужно приготовиться к причащению, отсекать своееволие, чтобы причащение было во спасение, а не в осуждение. Каждый день причащаться может схимник, монах больной, седмичный священник» (Маслов 1994: 467).

Вне всякого сомнения – модернистская тенденция призыва к частому и даже сверхчастому причащению противоречит традициям Русского Православия. Во всяком случае, она требует такой же подвижнической жизни, какой она была у святого праведного Ионна Кронштадтского, а иначе все будет оправдано одним только «дерзновением». При этом со всей очевидностью разрушается мерный, разумный, гармоничный, веками выверенный ритм церковной жизни. И самое непозволительное – молитвенная подготовка к исповеди и причастию низводится до необязательного элемента Богослужения, превращаясь в досадный балласт, тягостную нагрузку для священства.

Следует особо подчеркнуть – разрешение причащаться без исповеди в Светлую Седмицу тоже должно выполняться разумно, не для всех прихожан это полезно. Автор знает случай, произошедший на пасхальной седмице прошлого года, когда прихожанка одного из храмов Жуковского благочиния подошла по совету подруги к чаше без привычного для нее таинства исповеди. После причащения женщина почувствовала тревогу и душевный дискомфорт. И тем не менее, здесь же посоветовала просто зашедшем в храм матери с сыном подойти к чаше и причаститься, мотивировав свой поступок словами: «Сегодня всем можно».

Нет нужды вновь напоминать, что состояние молитвенного покаяния, свойственное всем православным и так ярко в опосредованной форме выраженное в русской культуре, – это основной нерв учения Вселенского и Русского Православия. Никакой свободный, вдохновенный полет личных молитвословий никогда не заменит церковное правило. Без «путеводителя» в виде церковных молитвословий и последований отцов Церкви, в таком изобилии и полноте изложенных в наших молитвословах, «обыкновенному», рядовому церковному человеку обойтись нельзя. Частое произношение этих молитв при чтении утреннего и вечернего правила еще не означает, что они «обветшили» и требуют замены на что-то самостоятельное, сиюминутное. Литургический текст от ежедневного употребления не теряет своей цены, и молитва в «домашней Церкви» также должна быть церковно

регламентирована.

Никогда русское религиозное самосознание не примет в качестве примера для подражания откровения о. Алексия Уминского, наподобие этого: «...да, большинство православных заставляет себя прочесть кроме последования к причастию 3 канона с акафистом. Я так делаю уже 30 лет. И больше смотреть на них не могу. Они ничего не прибавляют к моим отношениям с Богом... Я читаю пустой текст, не вызывающий во мне отклика – ради чего?» (Протоиерей Алексий Уминский 2021).

Совсем иначе свои отношения с Богом выстраивал, например, святой преподобный Амвросий Оптинский. Для него молитва была так же важна, как дыхание. Какое молитвенное правило неустанно выполнял преподобный? Для слушания утреннего правила поначалу старец вставал в четыре утра, звонил в звонок, на который являлись к нему келейники и прочитывали утренние молитвы, 12 избранных псалмов и 1-й час, после чего он один пребывал в умной молитве. Затем, после краткого отдыха, старец слушал часы: 3-й, 6-й с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Спасителю и Божией Матери, при этом старец слушал их стоя... После молитвы и легкого завтрака начинался трудовой день с небольшим перерывом в обеденное время. Еда съедалась преподобным в количестве, которое дается трехлетнему ребенку. После некоторого отдыха напряженный труд возобновлялся, шел прием посетителей. И так до глубокого вечера. Несмотря на крайнюю болезненность старца, его день всегда заканчивался вечерним молитвенным правилом, состоящим из малого повечерия, канона Ангела-хранителю и вечерних молитв. От общения с большим числом посетителей о. Амвросий порой едва держался на ногах и даже временами лежал просто без чувств. После вечернего правила старец испрашивал прощение, «елика согреших делом, словом и помышлением» (Житие преподобного Амвросия 2002: 226).

Какая непреодолимая онтологическая пропасть лежит между учением святых отцов о молитве, их молитвенным подвигом и выше цитированными откровениями о. Алексия Уминского. Вот, например, преподобный Исаак Сирин строго предупреждал: «Всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева...» (У Пещер, Богом Зданных 2000: 241). С чем же можно сравнить молитвенную практику о. Алексия, автоматически читающего пустой для него текст, не вызывающий никаких духовных откликов в сознании и сердце? Самое тревожное – это то, что о. Алексий Уминский пытается оградить от молитвенных традиций Православия людей, только что переступив-

ших порог храма. Он видит в этих неофитах неких зомбированных людей, пытающихся бездумно-механически перенять «устаревшую» молитвенно-каноническую норму Церкви. О. Алексий так прямо и высказывает: «Неофитство – в том числе и в том, что делается упор на копирование всех прочих форм, на поиски Святой Руси, на репринтные издания, на то, чтобы повторить, как это было раньше, или узнать, как это на Афоне бывает или у тех, кто эту традицию хранит» (Священник Алексий Уминский 2021).

Так и хочется спросить умного, образованного батюшку – а как в таком случае он служит Божественную литургию, или вечерню, или всенощное бдение, или читает часы? Ведь священные тексты церковных Богослужений весьма древни, весьма традиционны, а по сути и по словам почти те же самые, что в молитвословах, да и составлены теми же святыми авторами, в том числе и афонитами? И здесь мы видим очень почтительную «оглядку» наших модернистов на «творческое» наследие протопресвитера Александра Шмемана, одного из ярчайших проповедников облегченного, «комфортного Православия», мыслимого священником в духе протестантской pragmatичности и духовно-интеллектуальной упрощенности. Так как же относился этот маститый иерей к Русскому, да и Вселенскому Православию? Какие богословские и просто личностные установки о. Александра так привлекали и привлекают до сих пор наших, русских церковных модернистов? Налицо его сугубо критическое и даже уничижительное отношение к Русскому Православию и особенно к так называемой русской *народной* церковности, а проще говоря, к православной русской церковности и традиции – русской церковной традиции, к которой как будто бы должен принадлежать и он сам. Но церковная интеллигенция и здесь хочет отделить себя от церковного народа.

Вчитаемся в текст «Дневников» о. Александра Шмемана:

«...Я не люблю, не могу любить Православную церковь и бабьего благочестия. Все эти дни – наслаждение от Олимпийских Игр в Инсбруке, по телевидению...»;

«...Ложь, подделка, дешевка этого самодовольного, тупого, сентиментального “русского православия”. Как я бесконечно устал от всего этого “православия”, от всей этой возни с Византией, Россией, бытом, духовностью, Церковью, церковностью, благочестием...»;

«...я все больше и больше не люблю Византию, Древней Руси, Афона, т. е. всего того, что для всех – синоним Православия... только самому себе я могу признаться в том, что мой интерес к Православию

обратно пропорционален тому, что так страстно интересует православных...»;

«...как я устал от своей профессии. Такое постоянное чувство фальши, чувство, что играешь какую-то роль. И невозможно выйти из этой роли...»;

«...отчуждение чувствую по отношению ко всему этому типично русскому “уюту” храма, к русскому благочестию, в котором мне всегда чудится какое-то тупое самодовольство...»;

«...вся эта восторженная возня с “духовностью”, “умным деланием”, “православизмом”, “палализмом”, вся эта игра в религию, начиная с богословия, – наступает момент, когда все это просто давит унынием...»;

«...поздно вечером уже в кровати читал, вернее, перелистывал Валаамский сборник о Иисусовой молитве. Странное чувство, – как будто о какой-то другой религии читаю. То же чувство испытывал, читая книгу Н. Струве об О. А. Мечеве...»;

«...читал, просматривал вчера книгу Игнатия Брянчанинова о смерти. Как можно такие книги писать? Как можно во все это верить?» (Протопресвiter A. Шмеман 2005: 17, 213, 215, 237, 248, 249, 374, 587).

В перечень традиционалистских антипатий о. Александра Шмемана можно внести таинство исповеди. Именно о. Александр одним из первых православных священников смело и дерзко заявил о ненужности исповеди, которая никак не вписывалась в его представления об обновленном Православии. Протопресвiter признавался, что он вообще бы лично отменил чин исповеди, кроме тех случаев, когда человек совершил конкретный грех и исповедует его, а не свои настроения, сомнения, искушения, то есть, по-нашему, помыслы. В докладе Синоду Американской церкви о практике исповеди о. Александр призывал к практике общей исповеди. Он, по его признанию, мучительно не любил исповедовать. И никогда не видел пользы в духовничестве ни для себя, ни для Церкви (Гаврюшин 2008).

А например, русский старец Псково-Печерского монастыря архимандрит Афиноген (Агапов, 1881–1979), будучи еще иеромонахом Вознесенско-Макарьевского монастыря в 1920-х годах, уже с молодости глубоко понимал таинство исповеди, ее назначение для христиан. Подвизаясь в Макарьевой пустыни, о. Афиноген исповедовал всех приходящих к нему со своими недугами, вопросами, недоумениями, сомнениями, искушениями. На исповедь к будущему старцу выстраивалась целая толпа, поэтому ему приходилось порой простоять в храме до самого утра, начиная с вечера. Бывало, утром уже начиналась служба, а о. Афиноген все исповедовал народ. Наконец, к нему подходил кто-нибудь из монахов и тихо говорил: «Батюшка, нужно уходить».

Только тогда, перед самым началом Богослужения, иеромонах прерывал исповедь. Случалось, ноги от многочасового пребывания без движения так затекали, что о. Афиноген не мог сделать ни шага: тогда два дьякона брали его под руки и уводили в алтарь (У Пещер, Богом Зданных 2000: 120).

Следует отметить еще один эпизод из драматической жизни о. Афиногена, свидетельствующий о спасительной силе исповеди. Так, находясь в лагере в начале 1930-х годов, о. Афиноген получил счастливую возможность прибегать к таинству исповеди: в лагере появился иеромонах, и теперь заключенные монахи смогли духовно укреплять друг друга, а главное – исповедоваться. Покрывая головы листом лопуха вместо епитрахили, иноки взаимно, по-братски, отпускали друг другу грехи, совершая в узах великое очистительное таинство исповеди (У Пещер, Богом Зданных 2000: 124).

Несомненно, исповедь до сих пор остается со-териологической вершиной духовной жизни верующих. Она формирует подвижническо-покаянную матрицу православной антропологии церковного социума. Православные знают – когда духовный отец или приходской священник, по данной ему от Бога власти, говорит: «Прощаю и разрешаю ти от всех грехов твоих», – эти слова означают, что языком священнослужителя говорит Сам Иисус Христос и что в эту самую минуту разрешение от грехов подтверждается на Небеси Богом Отцом и Святым Духом (Наставления старца Антония 2002: 162). И как возможно человеку подходить к святой чаще без этого разрешительного сакраментального действия? Получается, что сверхчастое причастие, упраздняющее такую же сверхчастую исповедь, также, как и причастие в Светлую или Рождественскую седмицу, лишают православную личность возможности внутреннего духовного труда. Ведь невозможно утверждать, что прихожане, подходящие к святой чаше без исповеди, пусть и по разрешению священника, настолько чисты и непогрешимы, что могут с совершенно спокойной совестью принимать Тело и Кровь Спасителя. Даже великие святые, достигшие пределов земной святости, не считали, что они принесли хоть какой-то плод покаяния.

Так, святой Димитрий Прилуцкий (ум. 1392 г.) еще при своей жизни просил братию основанного им Вологодского монастыря в честь Происхождения честных древ честного Животворящего Креста Господня после смерти положить его грешное тело в болото и ногами утоптать... (Житие и духовные подвиги 1992: 132)

Другой столп Русского Православия, преподобный Нил Сорский (ум. 1508 г.) всей своей жизнью показал пример глубочайшего покаянно-молитвенного предстояния перед Творцом. Весьма примечательно

послесловие святого к отредактированному и переписанному им трехтомному «Соборнику», состоящему из переведенных с греческого языка житий святых. Вот что пишет в послесловии преподобный Нил: «Бога Преблагого прогневал я злыми моими делами, словами и мыслями, умиления же и слез не стяжал, чтобы оплакать и смыть скверну моих грехов. Поэтому-то, собрав, переписал я слова и рассказы о подвигах святых – для обличения грешной моей души, ибо не совершил я из этого хорошего ничего, – чтобы этими напоминаниями воздвигнуть омраченный мой ум из тьмы страстей и обрести плод покаяния... Молю пользуясь этими писаниями помянуть мое окаянство в молитвах своих, чтобы и я обрел милость перед Господом Богом».

В своем небольшом завещании преподобный Нил обращается к своим ученикам, к братии и просит их, чтобы они после его кончины бросили тело в лесной глупши, дабы его съели птицы и звери, потому что, пишет преподобный, много грешило оно перед Богом и недостойно погребения, если же они этого не сделают, то пусть, просит он, погребут его со всяким бесчестием, выкопав глубокую яму в самом скиту... (Житие преподобного отца 1992: 182).

Безусловно, эти два великих мужа Русского Православия являются собой недостижимый образец святости. Но выстраданный в духовной брани камертон их святости – единственный инструмент, который может настроить православного человека хоть на малое молитвенное делание. И конечно же, современному православному социуму и полезнее, и спасительнее руководствоваться учением преподобных, нежели самочинно-дерзкими «поучениями» клириков-модернистов.

Любовь русских к богослужениям, к паломничествам к святым мощам, по монастырям, где подвизались наши святые отцы, учителя «умного дела», покаяния – все это есть, прежде всего, любовь к покаянно-благодарственной молитве как языку, соединяющему человека с Творцом. Интересно, что даже на исихастском Афоне русские насельники выделялись своей молитвенностью. Так, известный греческий старец Паисий Святогорец (Езнопидис, ум. 1994 г.) подчеркивал любовь к церковным службам как специфически национальную черту русских, выделявшую их среди всех остальных монахов Святой Горы (Иеромонах Кирион 2016).

Постмодернистская атака на таинство причастия, на традиционный, овеянный вдохновением святых отцов чин молитвословий – не исключительное новшество в современной церковной жизни России. Обновленческому пересмотру подвергаются и другие незыблемые и, в сущности, немыслимые для профанации святыни православия. По-

мимо тенденций сверхчастого причащения, уменьшения сакральной значимости таинства исповеди, ослабления и просто похуления уставной молитвенной практики, упорного стремления заменить церковно-славянский язык на литературный русский, пропаганды миссионерских лингвистов, когда по ходу службы идет «закулисное» или «экранное» объяснение ее смысла и хода, есть еще одно направление атаки. Это *Типикон* – богослужебный устав Русской Православной Церкви, регламентирующий всю ее внутреннюю жизнь.

Так, с 1960-х годов Типикон почему-то дополнился литургией апостола Иакова. В постсоветское время, с 2010 г. эта неуставная литургия служится в некоторых храмах Москвы и Санкт-Петербурга 5 ноября в день памяти святого. Но известно, что при крещении Русь приняла Константинопольский Богослужебный чин, где не было обычая творить литургию апостола Иакова. Архиепископ Киприан (Керн, ум. 1960 г.) доказал ее многосоставность, эклектизм форм, которые собирались в течение десяти веков (Киприан Керн 2001). И все бы ничего. Литургия эта не является ни еретической, ни антиправославной, она выдержана в духе апостольского предания. Здесь, как говорится, воля начальства. Но данная литургия очень резко отличается от привычных нам литургий Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. И по большому счету вводит верующих в огромное сомнение. Так, вся служба совершается священниками без наперсных крестов, введенных в обязательное ношение Указом Священного Синода 14 мая 1896 г. Прокомидия не совершается, не читаются 3 и 6 часы. Библия и ектены читаются диаконом лицом к молящимся. Но самое большое смущение вызывает сам процесс причащения на этой литургии. Если есть желание, то каждый может посмотреть на YouTube, каким образом происходит таинство причастия. Паства подходит к дискосу, где лежат, наподобие облаток, части просфор, которые священник подает причастникам. А из чаши Пресущественную Кровь просто пьют через край, как бы прихлебывая... Для чего эти нововведения? Чтобы подготовить нас к причастию с католиками? Даже если в первоапостольские времена именно так причащались христиане, то это не означает, что подобную практику необходимо возродить. Тем более, что с VIII в. обычай причащения раздельного, свойственного монашеской среде, был упразднен. И Церковь ввела лжицы для причащения мирян Телом и Кровью вместе.

Совсем нельзя не отметить, что литургия апостола Иакова, до сих пор творящаяся в Иерусалиме и в Александрии в день его памяти, была переведена на церковно-славянский язык в 1938 г. клириком Русской Зарубежной Церкви неким Филиппом Гарднером. А благословил Гарднера на перевод не кто иной, как митрополит Анастасий (Грибановский), Карловицкий иерарх-раскольник, горячо поддержавший в этом же 1938 г. Гитлера. И не просто поддержавший, а преподнесший «Благодарственный адрес» Гитлеру (*Протоиерей Владислав Цыгин 1997: 593*). В этом документе предавалась РПЦ, предавалась русский народ. Так почитает ли благодать на тексте-переводе? Это большой вопрос...

Мы, ученые-этнографы, религиозные антропологи, очень много внимания уделяем изучению орехов, суеверий и заблуждений русского народа, пытаемся прояснить природу и смыслы так называемого народного православия. Самые острые копья в адрес нашей народной веры метали такие утонченные западные богословы, как о. Александр Шмеман, о. Иоанн Мейendorf, категорично утверждавшие, что русская вера во Христа носит подспудно языческий характер, что русская душа упорно сопротивляется Логосу и т. д.

Они не понимали одного. Многие русские, вставшие на путь воцерковления, как от шелухи, освобождались от своих ложных, самостийных суеверий и представлений, возрастая в молитвенном делании, все глубже погружаясь в спасительную метафизику богослужений. Эта совсем не малая часть и составляет сегодня опору Русского Православия. У них была и есть воля к познанию Истины. Они понуждали и по сей день понуждают себя к неустанной молитве, как и учили, проповедовали святые отцы Вселенского и Русского Православия.

А что же о. Александр Шмеман и о. Иоанн Мейendorf? Как-то о. Иоанн сказал о. Александру в минуту откровенности: он совсем не понимает, почему люди занимаются «отцами»? И сам ответил: «Я боюсь, что притягивает к себе не мысль Отцов, не содержание их писаний, а стиль их. Это сродни православному отношению к Богослужению – любить его, не понимая...» (Гаврюшин 2008).

Но воцерковленные русские и другие православные этносы страны любят богослужение, понимают его, насыщаются толкованиями святых отцов. И вместе с нашим консервативным, традиционным священством соборно, спокойно и твердо хранят святыни православия. Хранят их именно так, как и заповедовали святые учителя и отцы Православной Церкви.

Примечания

¹ Отец Симеон учил: «Кроме покаяния нет иного пути к спасению... Без покаяния нет прощения, нет и исправления: душа человеческая погибает. Если бы не было покаяния, то не было бы и спасающихся. Покаяние есть лестница, ведущая в рай. Да, в покаянии – вся тайна спасения. Как это просто, как ясно!» (Жизнеописание 2000: 97).

Источники и материалы

У Пещер, Богом Зданных 2000 – «У Пещер, Богом Зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века. М.: Правило Веры, 2000.

Гаврюшин 2008 – Гаврюшин Н. К. «Священство не должно быть профессией»: протопресвитер Александр Шмеман // Научный богословский портал Богослов.ru. 11.12.2008. <https://bogoslov.ru/article/361386>

Жизнеописание 2000 – Жизнеописание псково-печерского старца иеросхимонаха Симеона (Желнина) // «У Пещер, Богом Зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века. М.: Правило Веры, 2000. С. 21–103.

Житие и духовные подвиги 1992 – Житие и духовные подвиги преподобного отца нашего Димитрия вологодского чудотворца // Жизнеописание достопамятных людей земли Русской. X–XX вв. М.: Московский рабочий, 1992. С. 127–137.

Житие преподобного Амвросия 2002 – Житие преподобного Амвросия, старца Оптинского // Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2002. С. 215–251.

Житие преподобного отца 1992 – Житие преподобного отца нашего Нила Сорского // Жизнеописание достопамятных людей земли Русской. X–XX вв. М.: Московский рабочий, 1992. С. 178–182.

Иеромонах Кирион 2016 – Иеромонах Кирион. Прп. Паисий Святогорец и его связи с русским монашеством на Афоне // Интернет-портал Православие.ru. 13.07.2016. <https://pravoslavie.ru/95347.html>

Иоанн (Максимович) 2011 – Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский. Слово в неделю Всех Святых, в земле Российской просиявших // Московские епархиальные ведомости. 2011. № 5–6.

Киприан Керн 2001 – Киприан Керн, архимандрит. Евхаристия. М.: Издательство храма свв. бессребреников Космы и Дамиана на Маросейке, 2001.

Круглый стол 2014 – Круглый стол «Подготовка ко святому причащению: историческая практика и современные подходы к решению вопроса // Сайт «Собор Пресвятой Троицы. Русская Православная Церковь, Московский Патриархат, Ижевская и Удмуртская епархия, г. Ижевск» 19.12.2014. http://www.troica.org/useful/useful_714.html

Лисовой 2007 – Лисовой Н. Н. Православие, Византия, Русь. Вселенская мера свободы и благодать смиренных // Религии мира. История и современность. М.: Наука, 2007. С. 9–21.

Маслов 1994 – Маслов Иоанн, схиархимандрит. Глинская пустынь. М.: Самшит, 1994.

Наставления старца Антония 2002 – Наставления старца Антония // Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2002. С. 173–175.

Православный молитвослов 2000 – Православный молитвослов. Издание Свято-Введенской Оптины пустыни, 2000.

Протоиерей Алексий Уминский 2021 – Протоиерей Алексий Уминский. Вычитывать правило или сказать Богу пять слов от сердца? // Мультимедийный портал «Правмир». 16.07.2021. <https://www.pravmir.ru/vychityvat-pravilo-ili-skazat-bogu-pyat-slov-ot-serdca-protoierej-aleksij-uminskij/>

Протоиерей Владислав Цыгин 1997 – Протоиерей Владислав Цыгин. История Русской Церкви. 1917–1997. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.

Протопресвитер А. Шмеман 2005 – Протопресвитер А. Шмеман. Дневники. 1973–1983. М.: Русский Путь, 2005.

Священник Алексий Уминский 2021 – Священник Алексий Уминский. Как правильно молиться перед Причастием, чтобы это было настоящей подготовкой к таинству // Сайт журнала «Фома». 21.08.2021. <https://foma.ru/kak-pravilno-molitsya-pered-prichastiem-chtoby-eto-bylo-nastoyaschej-podgotovkoj-k-tainstvu.html>

Творения преподобного Максима Исповедника 1993 – Творения преподобного Максима Исповедника. В 2-х кн. Кн. 1. Богословские и эстетические трактаты. М.: Мартис, 1993.

Special attention is paid to the reformist interpretations of the sacraments of Confession and Communion, as well as non-statutory, and therefore questionable innovations in the canonical and dogmatic texts of the Typicon. The paper reveals and actualizes the main vectors of the renovationist movement within the Russian Orthodox Church.

Keywords: traditional values of faith, super-pure Communion, holiness, prayerful work, liberalization of faith, anthropology of asceticism.

For citation: Tsekhan'skaya, K. V. 2023. Values of Orthodoxy in the Context of Modernization Processes of Our Time. *Traditsii i sovremennost* 32: 66–76

